

[Госпожа Хуахуа писала сегодня?]: Госпожа, ты писала сегодня? Не болтайся в сети, это опасно, возвращайся домой и пиши.

[Чэнцзя Хуахуа]: Грустно, нет настроения писать.

[Госпожа Хуахуа писала сегодня?]: Госпожа, не придумывай оправданий, госпожа, которая не пишет, это неудачница!!!

Фанаты Чэнцзя Хуахуа из кожи вон лезли, чтобы подстегнуть её. Каждый раз, заходя в Weibo Оу Хэна, они обязательно ловили свою госпожу.

— Годзи~, смотри, всё распродано, теперь я могу тебя содержать! — Оу Хэн, находясь в офисе Ли Цзюньюя, вдруг получил сообщение о том, что весь тираж артбука распродан. Он вскочил, упёр руки в бока и, обращаясь к Ли Цзюньюю, похлопал себя по сумке.

— Дорогой, тебе нужны особые услуги сегодня?

— Сколько стоит час? — Оу Хэн немного струсил, положив руку на сердце. Он был и взволнован, и обеспокоен. Он бросил громкие слова, а что, если не сможет содержать?

Ли Цзюньюй кивнул Ли Ганю.

— Сегодня у господина запланировано подписание международного контракта на десять миллиардов. — Ли Гань больше ничего не добавил.

— Прошу прощения. — Оу Хэн тут же сел обратно, продолжая заниматься своими делами, делая вид, что ничего не произошло.

— Дорогой, сколько стоит час? Есть время составить мне компанию? — Ли Цзюньюй положил ручку и посмотрел на Оу Хэна.

— Нет времени, нет времени, Годзи, иди зарабатывай деньги, это важнее! — Оу Хэн яростно замотал головой, услышав вопрос о времени. Он подсчитал, сколько стоит его час, и понял, что это точно не десять миллиардов, поэтому решительно отказался.

Ли Цзюньюй: «.....»

«Это было похоже на то, как самому себе подложить свинью?»

Смертельный взгляд Ли Цзюньюя устремился на Ли Ганя, у того на спине встали дыбом волосы, а на лбу выступил пот. Что за наказание он заслужил!

— Молодой господин, я ошибся, контракт подписывается завтра, сегодня у господина свободный день. — Ли Гань поспешил исправить ситуацию.

— Правда? — Оу Хэн поднял взгляд на Ли Ганя.

— Да, — Ли Гань, оказавшись под двойным взглядом, чувствовал себя не в своей тарелке.

— Если есть такие ошибки, то твою премию за этот месяц я вычту. Сам доложи финансовому отделу. Таких ошибок больше не должно быть.

— Хорошо. — Ли Гань не мог высказать свои чувства, в душе у него было тысяча ругательств, но он не мог их произнести.

— Теперь могу ли я пригласить господина Оу Хэна на ужин? — Ли Цзюньюй с изысканной вежливостью подошёл к Оу Хэну, сделал поклон и протянул руку.

— Конечно. — Оу Хэн положил свою руку в ладонь Ли Цзюньюя, грациозно встал, и улыбка не сходила с его лица.

— Неси меня. — Встав, Оу Хэн сразу же перестал притворяться, обнял руку Ли Цзюньюя и отказался идти сам.

— Стой спокойно. — Ли Цзюньюй попросил Оу Хэна встать ровно, затем присел, и Оу Хэн тут же запрыгнул ему на спину.

— Как удобно. — Оу Хэн прижался лицом к плечу Ли Цзюньюя, чувствуя невыразимую теплоту и надёжность.

— Послушный малыш. — Ли Цзюньюй нёс Оу Хэна, чувствуя его вес. Оу Хэн не был тяжёлым, но Ли Цзюньюй чувствовал, что несёт на себе весь свой мир.

В лифте они были одни, узкое пространство сближало их ещё больше. Потому что ты — мой весь мир.

Они просто поужинали в ресторане, с цветами, вином и свечами. Ли Цзюньюй заранее забронировал столик, и под музыку они провели сладкий ужин.

Артбук Оу Хэна был переиздан в большом количестве, но сюрпризов добавилось не так много, и спрос всё ещё превышал предложение. На чёрном рынке одна картина уже стоила десятки тысяч, но даже так её было трудно достать. Настоящие фанаты не хотели расставаться с ними, а спекулянты, в основном неудачники, не могли окупить свои вложения, поэтому большинство владельцев были истинными фанатами. Заставить их продать, даже за высокую цену, было невозможно.

Более того, они могли просто пожаловаться и заблокировать вас. Те, кто пытался купить картины, считались врагами.

Новым студентам нужно было раньше начать учебный год, и проживание в общежитии было обязательным. В день, когда Оу Хэн отправлялся в школу, Ли Цзюньюй специально освободил день, чтобы провести его.

Один чемодан на 24 дюйма, два взрослых мужчины, смотрящие друг на друга с яростью. Первый мужчина — Ли Цзюньюй, второй — Оу Кэ. Оба хотели нести чемодан Оу Хэна.

Ян Хань и Оу Кэ специально узнали, когда Оу Хэн отправляется в школу, чтобы провести его и почувствовать себя родителями, отправляющими ребёнка в школу.

Трое провожали одного, и тут возникла проблема.

— Дядя, вы уже в возрасте, тяжёлые вещи лучше нести мне, отдохните. — Ли Цзюньюй держался за ручку чемодана, не отпуская её, и с улыбкой смотрел на Оу Кэ. Их взгляды пересекались несколько раз.

— Вещи моего сына должен нести его отец. — Оу Кэ скрипел зубами, глядя на Ли Цзюньюя, особенно выделяя слова «мой сын», давая понять, что Оу Хэн ещё не принадлежит Ли Цзюньюю.

— Я знаю, дядя Оу. — Ли Цзюньюй всё ещё не отпускал ручку. Качество чемодана было отличным, иначе он бы уже развалился.

— Но тяжёлую работу лучше оставить мне, вам лучше отдохнуть, чтобы не переутомиться.

— Что вы там копаетесь? Быстрее, на улице так жарко, Оу Кэ, ты специально? — Ян Хань и Оу Хэн уже прошли довольно далеко, заметив, что Оу Кэ и Ли Цзюньюй отстали. Они стояли под палящим солнцем, и Ян Хань чувствовал, как кожа горит.

— Хань, я...

— Что «я»? Ты не знаешь, сколько тебе лет? Травма спины уже прошла? — Ян Хань бросил взгляд на Оу Кэ, который всё ещё думал, что ему двадцать лет, хотя его спина ещё не оправилась после недавнего инцидента.

— Хань, ты... — Шея Оу Кэ покраснела. Такие вещи, такие стыдные вещи, должны оставаться между ними. Зачем говорить об этом при других? Особенно при Ли Цзюньюе. И его травма была случайностью, его способности не подлежали сомнению.

— Так что, дядя, лучше я. — Ли Цзюньюй потянул чемодан и направился к Оу Хэну, оставив Оу Кэ позади.

.....

«Этот парень точно не получит моего драгоценного сына».

— Жарко? Пойдём прямо в общежитие, Ли Гань уже зарегистрировал нас, нужно только дойти до комнаты. — Ли Цзюньюй вытер пот с лица Оу Хэна платком, а Оу Кэ снова опоздал, вызвав недовольство Ян Ханя.

Человек боится сравнений, при которых все недостатки выходят наружу. Оу Кэ был полностью разоблачён.

— Немного хочется пить. — Оу Хэн взял Ли Цзюньюя за руку, смотря на него с мольбой.

— Пей, только осторожно, он холодный. — Ли Цзюньюй протянул Оу Хэну термос с лимонно-медовой водой, охлаждённой до приятной температуры, чтобы утолить жажду. Также он дал бутылку воды Ян Ханю и Оу Кэ, а сам допил то, что осталось у Оу Хэна.

Ян Хань был доволен тем, как Ли Цзюньюй заботился об Оу Хэне. Посмотрев на своего мужа, который ничего не подготовил, он всё больше злился, ударив Оу Кэ локтем в живот, чтобы снять напряжение.

— Хань... — Оу Кэ, пивший воду, был ошарашен. Что он сделал не так?

— Не притворяйся, вставай, я знаю, как сильно ударил. Не задерживай Эр-эра.

Ян Хань сразу разгадал уловку Оу Кэ, который хотел вызвать сочувствие. Тот тут же встал, перестал дурачиться и больше не пытался хитрить.

Когда они пришли в общежитие, кроме Ли Ганя, там никого не было. Кровать была уже подготовлена, все необходимые вещи, которые Оу Хэн обычно использовал, были привезены Ли Ганем и расставлены на его месте. Оу Хэну оставалось только прийти.

— За эти годы условия улучшились не на шутку. — Оу Кэ, осматривая общежитие, заметил, что вместо четырёхместных комнат теперь были двухместные, просторные и полностью оборудованные.

<http://bllate.org/book/16768/1541334>